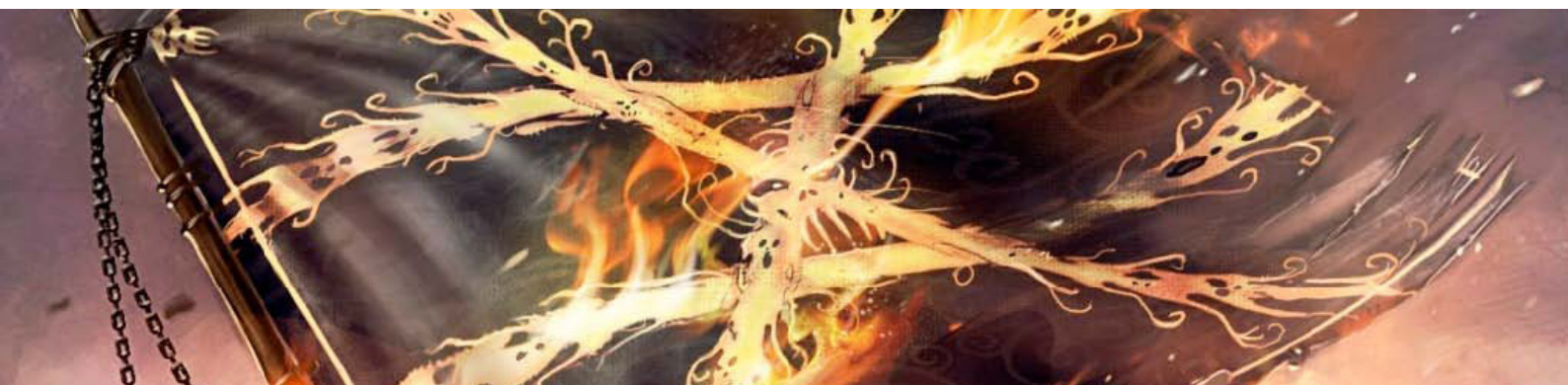

ЕЛЕНА

И ОРКЕСТР СТРАНЫ
ТУМАНОВ

Глава /

ДЕРЕВНА БЮССИ

Посвящённая Елене Гримо
Stéphane MEER, 16/04/2007

ДЕРЕВНЯ БЮССИ

– Оставьте меня в покое, я ничего не могу сделать! – крикнула Елена.

Она пришла в себя и огляделась.

Весь второй класс лица имени Берлиоза удивленно замер.

Первым, как всегда, засмеялся Марк:

– Привет! Опять она бредит!

Вслед за ним загоготал Венсан.

Но мадам Френже, почтенная учительница физики и химии, строго осаждала их:

– Лисье, Фрео, прекратите! – Базара на уроке она не допустит. – Канта, что с вами опять такое?

Но у Елены отнялся язык – она очнулась так внезапно. Да и как расскажешь об этом странном мире и этих галлюцинациях, так похожих на реальность? О пророчестве, черной крепости, огненном кресте, о мире туманов и о голосах, которые говорят с ней, зовут ее на помощь?

«Голос камня уничтожит его власть. Голос камня уничтожит его власть» – день и ночь звучат у нее в ушах эти слова. Откуда они взялись? Как объяснить другим то, чего она сама не понимает? «Наверно, они правы, и я сумасшедшая...» – подумала Елена.

С тех пор, как пропали ее родители, жизнь как будто сломалась. Раньше все было так просто, а теперь – сплошные трудности. Тревога, как скрытая болезнь, подтачивала ее изнутри и заслоняла собой всё. «Где мои родители? Почему они оставили меня одну и ничего не сказали? Что с ними случилось? Как я могу нормально жить, если все так изменилось?»

– Мадемуазель Канта, я, кажется, задала вам вопрос. Вы слышите меня или я должна объясняться жестами? – учительница презрительно шурилась и говорила сквозь зубы.

Хоть ростом мадам Френже не вышла – всего метр пятьдесят восемь, – но ставила

себя весьма высоко и не терпела, чтоб ее перебивали на уроке. Властная и вздорная по характеру, она не имела собственных детей и с тем большим рвением воспитывала учеников, преподавая им, шутка ли, Физику и Химию!

Елена с досадой почувствовала, что краснеет до ушей, весь класс уставился на нее – еще бы, какая стая упустит случай поразвлечься и посмеяться над чокнутой одиночкой.

- Простите... я нечаянно, – пробормотала Елена.
- Я могу продолжать урок или сначала выставить вас за дверь?
- Нет-нет, пожалуйста...
- Тогда продолжим. Итак, какое сопротивление нужно подключить параллельно с сопротивлением Z2, чтобы в цепи был ток? Скажите вы, Люсье, раз вы у нас такой шустрый.

Наконец уроки кончились. Ни на кого не глядя, Елена стала складывать вещи в портфель. К ней подошла Соханна.

- Ну как ты? Все это так странно, – сказала она.
- Мне самой противно. Когда вдруг вот так накатывает, особенно на уроке, чувствую себя полной дурой.
- Не расстраивайся, все это ерунда. Главное, мы тебя любим и всегда с тобой.

У Елены слезы подступили к горлу, еще немного – и всё, что накопело на душе, боль, страх, обида – выплеснулось бы наружу. Все над ней издеваются, а Соханна, верная подруга, всегда утешает. И какая подруга: самая замечательная в классе, умная, красивая, всё ей легко дается, и есть в ней что-то таинственное, романтическое. Зачем такой удивительной девочке дружить с идиоткой, которая кричит на уроках?

Но расплакаться перед всем классом? Не дождутся!

- Что, девчонки, представление окончено? На этот раз здорово получилось, только маловато. Нельзя ли повторить пару сцен на бис?

Это Костя – Константин Мирев, приятель Елены и Соханны, мальчик высокого роста, он умница, много знает, но учиться ему лень.

- Ты, я смотрю, сегодня в пижаме – тебе здорово идет! – отбрила его Соханна.
- Классные штанишки, а бывают такие на одну персону?

Прикид у Кости что надо: брюки супер-рэп, здоровенная футболка балахоном, кроссовки без шнурков, MP-плеер с наушниками. Вот только очки выдавали умника и портили все дело.

- Ладно, это мое дело. Жду вас на улице, или вы тут ночевать собираетесь?
- Соханна на него даже не взглянула:

- Иди-иди, мы от тебя хоть отдохнем немножко.

Из школы по деревне шли втроем: Елена, Соханна и Костя. Елена направлялась домой, а Соханна на луг, который принадлежал отцу Кости и где паслась ее лошадь по кличке Файр – «Огонь».

Костя был в отличном настроении и болтал без умолку:

- Хочешь узнать, есть ли ток, – приложи язык. Посинеешь, значит, есть!
- Хватит, надоели твои глупые шуточки, – напустилась на него Соханна – Ведешь себя как ребенок!

Костя помрачнел и замолк на полуслове.

- Как твой дедушка, Елена? Держится? – спросила Соханна
- Ничего, только все время молчит. С тех пор как пропали мама с папой, он сам не свой. Только и делает, что уговаривает всех продолжать поиски, круглые сутки поджидает родителей, ловит каждый звук. Ни на что другое сил у него, похоже, не остается.
- А что говорит полиция? По-прежнему, никаких новостей?
- Никаких. Полиция ничего не может понять: нет ни мотивов, ни признаков похищения, и они склоняются к мысли, что родители просто взяли и уехали, а мы раздули эту историю на пустом месте. Бросить меня они не имели права, потому что я несовершеннолетняя, но могли оставить на попечение бабушки. То есть это полиция так думает, но я-то знаю, что такого не может быть. Вечером, перед тем как это случилось, я с ними разговаривала, потом легла спать, ночью услышала какие-то крики, спустилась – а их нет! И все вещи на месте. По доброй воле так не уходят. Да и вообще они бы никогда не ушли! – в отчаянии воскликнула Елена.
- Я понимаю, каково тебе. Я же знаю твоих родителей, их все здесь любят, и я уверена: с ними что-то случилось, но они скоро вернуться. Все это имеет какое-то объяснение, и все уладится. Во всяком случае, можешь не сомневаться: они тебя любят и по своей воле вот так уйти и бросить тебя не могли. Пока мы не знаем, что произошло, остается только ждать. Держись. Я знаю, вам с бабушкой очень тяжело, и если я могу чем-то помочь...
- Спасибо, Соханна, как хорошо, что ты со мною рядом.
- Я, между прочим, тоже рядом, но это, кажется, не считается.
- Ох-ох, бедного Костю забыли! – насмешливо сказала Соханна.
- Спасибо, Костя, я знаю, вы оба мои друзья, что бы я без вас делала!

В этот миг сквозь прогалину в серых осенних тучах пробился солнечный луч – как будто сама надежда сказала свое слово. Уроки окончились в три часа, но день уже был на исходе. Ранние ноябрьские сумерки угнетают всех живущих под солнцем. Влияние долготы дня на настроение и бодрость духа сказывается в это время особенно очень явно. Эти дни служат преддверием долгих месяцев тьмы и

зимних холодов; опадают листья, исчезают насекомые, улетают в теплые края и оставляют нас мерзнуть перелетные птицы. «Прощайте, бескрылые существа, до следующей весны!» – словно кричат они.

Когда уже наступает зима, делается веселее: белая гладь искрится, будто усеянная миллионами зеркальных осколков, кругом тишина – снег поглощает звуки, сухой морозец расписывает розами щеки. Дни пусть короткие, но светлые. А главное, знаешь, что дело идет к весне, ждешь ее, смотришь, не набухают ли первые почки на деревьях.

Осень же, с ее дождями, тучами, ветрами, серыми днями, – самое унылое время года.

Все две недели, с тех пор как исчезли родители Елены, небо было серым и влажным. С утра все заволакивал туман, а потом плотный слой туч перекрывал свет и держался до самой темноты, которая сгущалась все раньше. Часто до самого рассвета не стихал ветер, взметавший и сотрясавший все на своем пути. Каждую ночь на природной сцене разыгрывалась бесконечная опера: крыши скрипучим глассандо выпевали хроматические гаммы, в барабанную дробь трясущихся оконных ставней вплетались аккорды стряхивающих последние листья ветвей.

Соханна, Елена и Константин дошли до конца улицы и свернули налево, по проселочной дороге, которая вела на ферму семейства Мирев, где содержался Файр, конь Соханны. Вправо, вдоль леса, тянулась другая дорога, в самом ее конце стоял последний в деревне дом Елены Канта и ее родные.

Миревы жили в старинном здании из грубо отесанного камня. Зато внутри все было отделано по-современному: удобная мебель, окна с двойными стеклами, пол с электроподогревом, кухня, оборудованная на американский лад.

Между крыльями здания располагался внутренний двор, а снаружи всю ферму окружала высокая стена, за которой в стародавние времена окрестные крестьяне укрывались от вражеского войска. Как ни странно, ферма стояла не на возвышенности, а в ложбине между двух холмов. Во время ливня глубокие рвы отводили воду в ручей, царство уток и гусей, клювами охранявших его границы от посягательств двуногих и четвероногих. Единственный чужак, которому дозволялось проникать сюда, – огромный индюк Гектор, дозором обходивший всю усадьбу. С возрастом Гектор становился все придирчивее ко всему, что по индюшьям и своим собственным меркам казалось ему «ненормальным». Кто не знает, что такое разъяренный индюк, пожалуй, усмехнется, однако тот, кому довелось иметь дело с Гектором, когда он не в духе, предпочтет поговорить о чем-

нибудь другом.

Ближайшие луга были превращены в конский пансион, постояльцы которого содержались не в тесных конюшнях, а в просторных открытых стойлах, защищенных от господствующего ветра задней стенкой с яслями, куда зимой клали сено. Рядом стояли собачьи будки – для овчарок, которые охраняли маленький, в пять-шесть голов, табун от волков. Собак поселили сюда еще щенками, и они привыкли относиться к лошадям как к своей семье. А может, и себя считали лошадьми, только чуточку другого вида?

Первый загон с левой стороны, если стоять лицом к воротам фермы, занимали Файр и его дружок Престо. Престо, вороной рысак с белыми ногами, был крупнее и намного спокойнее Файра. Он отличался богатым опытом, умением найти выход из любого положения и бесконечной отвагой, но, точно так же, как его хозяин Константин, не любил тратить силы и энергию попусту. Вот почему он двигался неспешно, с небрежным видом, так что, глядя на него, мало кто мог бы распознать его истинные спортивные качества. Престо мог сколько проскакать быстрой рысью или размеренным галопом, но только если очень нужно или есть сильный стимул. А самый сильный стимул – соревнование с Файром, вот когда у Престо начинали блестеть глаза и включалось зажигание. Он долго разбежался, зато развивал невероятную скорость. Превращался в настоящую скаковую лошадь и мчался по лесу, как по ипподрому. Всаднику тогда лучше всего было пригнуться пониже – Престо выбирал, где мог проскочить сам, и его ничуть не волновало, что сидящему у него на спине приходится, как заправскому джигиту, свешиваться то в одну, то в другую сторону, чтобы его не наткнуться на ветку или не наглотаться листьев.

Файр и Престо очень сдружились. Держались вместе и всегда во всем были заодно. Файр был более ретивый. Испанский конь, горячая кровь, он выделялся среди сородичей, как Феррари среди других автомобилей. Срывался буквально с места в карьер, так что всадника швыряло назад, как снаряд из катапульты, и прижимало к седельной луке. Так же резко Файр сворачивал и замедлял ход. Его наездник должен был обладать реакцией летчика-истребителя в воздушном бою, готового в любой миг изменить скорость и направление полета. В максимальной скорости он не уступал Престо, но не мог удерживать ее долго, потому что был поменьше и полегче. Файр был спринтер и не годился на длинные дистанции. Но если к нему привыкнуть, все прочие лошади покажутся вялыми тихонями. Надо было видеть, как они с Соханной носятся зигзагами в лесу между деревьями, гарцуют на месте, мчатся в обратную сторону, перепрыгивают через овраги, кусты и упавшие стволы, разбрызгивают осенние лужи, взлетают на крутые склоны холмов и скользят вниз по каменным осыпям, прорываются сквозь густые переплетения ветвей с пожухшими листьями.

Сила коня и наездницы заключалась в том, что они прекрасно понимали друг друга. Соханна не верила в телепатию, но было удивительно, до чего часто они с Файром думают одно и то же, хотят одного и того же, чувствуют одно и то же.

Впрочем, девочке нравилось быть просто гостьей, которую эта восхитительная лошадь пригласила в путешествие по своему первозданному миру. Верховая езда давно потеряла

для людей практический смысл и стала способом погрузиться в жизнь леса. Соханна предоставляла Файру выбирать дорогу и ни разу не пожалела об этом. Они прониклись взаимным доверием, и скоро Файр стал отвозить ее в красивейшие места, где водились разные звери. Файр скакал наперегонки с косулями, застигал птиц, прежде чем они успевали улететь, выслеживал кабанов и мчался сквозь чащу напролом, чтобы перерезать им путь.

Соханна навевалась к Файру так часто, как только могла. Если, как в тот день, освобождалась пораньше, пользовалась этим для верховой прогулки по лесу. Иногда к ним присоединялся Константин.

На этот раз они шли к своим любимцам вместе, но садиться в седло собиралась одна Соханна. Когда они подошли к загону, Престо и Файр шарахнулись на другой его конец – именно так бывает в жизни. Только в книжках лошади сами спешат к своим хозяевам, те, кто придумал эту сказку, путают лошадей с собаками. Лошадь от природы свободна и независима. Да, она послушно везет вас и выполняет ваши приказы, но радостно бросаться вам навстречу это свободолюбивое животное не станет!

Люди и лошади принадлежат к разным мирам, человек – хищник, лошадь – добыча, частица буйного табуна; и пусть они сумели поладить, даже полюбить друг друга, все равно, полезно иной раз напомнить людям, что они не такие быстроногие, как лошади, и если лошади их подпускают, то только потому, что соглашаются на это.

Каждый раз начиналась забавная игра, и у каждого были в ней свои уловки. У Соханны самая нехитрая – мешок морковки. Если Файр не желал подходить, она раздавала морковь другим лошадям. Обычно бывало так: Файр посмотрит-посмотрит, а потом, не спеша и не теряя собственного достоинства, подойдет как будто ненароком – он-де просто тут гуляет.

Но стоило Файру почувствовать на шее веревку – договор возобновлялся, и он становился преданным другом... ровно до тех пор, пока они не возвращались на луг и Соханна не снимала недоуздок – тогда конь тут же делал вид, что вырвался на волю, как будто говоря: «Ну наконец-то я свободен!»

Соханна заботливо оглаживала Файра, чистила его щеткой, седлала, кормила морковью, а потом они отправлялись в лес. Соханне не приходилось выбирать, пустить Файра галопом или шагом, хотя ей было бы достаточно отдать приказ, но не хотелось его неволить: пусть решает сам, так куда веселее! А Файр раздумывал недолго: первые метры прямой дороги были для него сигналом – вперед и вскачь! Феррари о четырех копытах терпеть не мог тащиться еле-еле.

